

В. М. АЖГЛА

ГРАМОТЫ АББАТСТВА ФОНТЕВРО
В АРХИВЕ ЛОНИ СССР АН СССР

В Западноевропейской секции Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР хранятся 14 подлинных грамот аббатства Фонтевро.¹ которые относятся к первым двум векам его существования. Хотя число их невелико, они заслуживают особого рассмотрения уже потому, что в большинстве своем даны крупнейшими феодальными владельцами Франции. 6 из них — прямыми вассалами короля и 2 — самим королем Филиппом III, а их обладателем было духовное учреждение, на протяжении веков занимавшее весьма заметное положение. Для понимания и оценки заключенных в грамотах сведений необходимо широкое обозрение событий и обстоятельств, которыми наполнена история аббатства Фонтевро.

Аббатство было основано бретонским клириком Робертом Арбриссельским около 1100 г. в местности на правом течении Луары, именуемой Фонтевро. Там соприкасались три области — Турень, Анжу и Пуату, так что первоначально аббатство входило в диоцез епископа Пуатье, земли же, где оно находилось, принадлежали графам Анжуйским. ныне аббатство Фонтевро, сохраняемое как памятник архитектуры, относится к сомюрскому кантону Департамента Мен-э-Луар.

Аббатство приняло бенедиктинский устав. Еще при жизни его основателя появилось 18 прикоров, зависящих от аббатства, и все они объединились в одноименный орден Фонтевро. Устройство нового ордена выделяло его среди других орденов и было предметом нападков на протяжении столетия; только в Фонтевро аббатисса управляла в соответствии с одним уставом женским и мужским

¹ Есть два написания для названия аббатства: Fontevraud и Fontevrault, в XIX в. предпочтение было отдано второму, но в 1968 г. было восстановлено первое, этимологически более правильное. См.: B l o n v o n J.-M. Aux origines d'un ordre religieux: Robert d'Arbrissel et la fondation de l'ontevraud. — Cahiers d'histoire (Lyon), 1975, t. XX, 2.

монастырями, расположенными рядом и возглавляемыми приориссой и приором, а также имела власть над прочими приоратами, где в свою очередь приориссы управляли примыкавшими к ним мужскими обителями.²

Возникшие примерно в одно время с орденом Фонтевро ордена цистерцианцев и премонстрантов препятствовали появлению в своем лоне новых женских монастырей. Фонтевро, орден по преимуществу женский, оказался в XII в. в соответствии со своим предназначением главным убежищем для женщин, ищущих монастырской жизни.³ Число монахинь в ордене в середине XII в. достигло 5 тысяч;⁴ и что особенно важно, в первые же годы в аббатстве приняли постриг представительницы знатнейших феодальных родов. За старшими знатыми послушницами следовали младшие на протяжении многих поколений, первоначальные вклады и пожертвования подтверждались и увеличивались, о чем дают представление и наши грамоты; аббатство собрало в XII в. богатства, которые, по данным Морони, давали 100 тыс. ливров годового дохода.⁵ Таким образом, оно оказалось одним из самых богатых аббатств во владениях Плантагенетов и Клинтонгов.

Более других процветанию аббатства способствовали графы Анжуйские, судьбы аббатства и Анжуйского дома оказались надолго связанными. Когда к последнему перешла английская корона (1154), Фонтевро осталось главным аббатством этого дома и служило ему усыпальницей: здесь погребены Генрих II Плантагенет (1189), Ричард Львиное Сердце (1199), Алиенора Аквитанская (1204). (Последняя даровала аббатству, помимо прочего, свои владения в Жюпе,⁶ вероятно, о них идет речь в трех наших грамотах). Тетка Генриха II Матильда была второй аббатиссой Фонтевро (1149—1154).

Из 114 приоратов ордена Фонтевро, местоположение которых указал в своей книге аббат Эдуар,⁷ 95 приходится на области, которые входили во владения Генриха II Плантагенета, и только 18 — на области, бывшие подвластными Людовику VII. Даже после того как власть французских королей простерлась на земли, где находилось аббатство Фонтевро и большинство приоратов ордена,⁸

² Hilpisch F. Die Doppelkloster. Entstehung und Organisation. Münster in Westfalen, 1928.

³ Wernor E. Zur Frauenfrage und zum Frauen Kult im Mittelalter. Robert von Arbrissel und Fontevrault. — Forschungen und Fortschritte, 1955, 29 Jhrg., II. 9, S. 270.

⁴ The Catholic Encyclopedia, vol. VI. New York, 1909, p. 130.

⁵ Moroni G. Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica, vol. XXV. Venezia, 1844, p. 182.

⁶ Edouard, abbé. Fontevrault et ses monuments ou histoire de cette royale abbaye, t. II. Paris—Marseille, 1874, p. 117.

⁷ Ibid.

⁸ В 1204 г. Филипп II Август отнял у Иоанна Безземельного, помимо прочих владений, Анжу, Турень и большую часть Пуату, в 1207 г. английский король признал власть Филиппа в Анжу, а в 1214 г. по договору в Шинне отказался от своих прав на Пуату, за исключением южной его части.

Плантагенеты продолжали поддерживать приверженность своей короне монахинь и монахов Фонтевро. Так, в мортуарии аббатства король Англии Генрих III (умер в 1272 г.) назван «превосходнейшим отцом (progenitor) и благосклонным покровителем», перечисляются его богатые дарения и сообщается, что он завещал похоронить в Фонтевро свое сердце.⁹ Поминальная записка о короле Эдуарде I (умер в 1307 г.) гласит, что юношей он посетил Фонтевро по настоянию своего отца, короля Генриха III, а затем снова побывал там и подарил 1000 ливров и 12 кусков парчи; об английском королевстве, между прочим, сказано: «сладчайшее и любезное нам королевство английское».¹⁰ Об исполнении посмертной воли аббатиссы Жанны де Брен, упоминания о которой относятся к 1259—1271 гг., быть похороненной в Англии, в мортуарии говорится так: «Приказала переправить свое тело в Англию ради нашего и монастыря процветания».¹¹

Напротив, Капетинги в XII—XIII вв. особенно не жаловали аббатство; нам неизвестно доподлинно ни одного дарения, сделанного по собственному их почину. Может быть, только владение Обри (clausum Aubert) Людовик VI (1108—1137) еще ранее 1119 г. передал от себя аббатству.¹² Восшествие на престол Филиппа II Августа ознаменовало одновременно с унижением Плантагенетов и начало долгого упадка аббатства. Вследствие бедствий войны Филиппа с Плантагенетами в конце XII в. монахини вынуждены были добывать пропитание трудом своих рук. Внутри аббатства с этой поры на протяжении более ста лет не прекращалось противоборство при избраниях,¹³ каковое мы склонны объяснять соперничеством династических партий. Хотя Капетинги были не очень щедры к аббатству Фонтевро, и не случайно, вероятно, Павийон не приводит записей о них в мортуарии аббатства, тем не менее они крепко наложили на него свою руку: в августе 1246 г. Людовик IX отдал Аяжу в удел своему брату Карлу, графу Прованскому, но удерживал в этой области за собой и своими наследниками, помимо прочего, регалии¹⁴ епископов и аббатство Фонтевро.

Благодаря связи с домом герцогов де Бурбон, о начале которой, по всей видимости, свидетельствуют три наших грамоты,¹⁵ аб-

⁹ P a v i l l o n R. La vie du bienheureux Robert d'Arbrissol. Saumur, 1607, Preuves, N 91, p. 585—586.

¹⁰ Ibid., N 92.

¹¹ Gallia christiana (nova), t. II. Parisiis, 1720, 1321—1322.

¹² Об этом свидетельствует булла папы Каликста II, папой утвердившая в 1119 г. орден Фонтевро; текст ее воспроизведен в указанной книге Р. Павийона (R. Pavillon). См.: L u c h a i r o A. Etudes sur les actes de Louis VII. Paris, 1885; D o l i e L. Catalogue des actes de Philippe-Auguste. Paris, 1856.

¹³ B o s s e l o u f L. A. Fontevault, son histoire et ses monuments. Tours, 1890, p. 14—15.

¹⁴ В данном контексте доходы папских бенефициев, которые поступали королю.

¹⁵ К сожалению, для нас осталась недоступной статья: L'ordre de Fontevault et le sang de Bourbon. Une grande abbesse fille d'Henri IV: Jeanne-

батству Фонтевро было суждено позднее стать также и аббатством французской королевской фамилии. На протяжении XVI—XVII вв. аббатиссами в Фонтевро постоянно избирались представительницы дома Бурбонов. Аббатиссе Луизе Франсуазе де Рошешуар Людовик XV доверил воспитание четырех своих дочерей и пожаловал титул герцогини, чтобы она имела право сидеть в присутствии своих воспитанниц. В 1793 г. аббатство Фонтевро навсегда прекратило свое существование, хотя одноименный орден и был впоследствии возрожден в трех своих приоратах.

Четырнадцать наших грамот приходится на немалый срок — от середины XII в. до 1302 г.; они не были написаны в самом Фонтевро, но все поступили в архив аббатства из разных областей Франции по случаю передачи аббатству определенных владельческих прав. Понятно, что сами по себе они не могут достаточно осветить в какой-либо из ее сторон историю столь значительного духовного учреждения. Однако привлекают особое внимание 9 грамот, данные аббатству графами Шампанскими и их вассалами; эти грамоты интересны именно в свете только что проведенного сопоставления Плантагенетов с Капетингами в их отношении к Фонтевро. Написаны они были во второй половине XII в. и в начале XIII в., лишь одна из них датирована 1229 г.

Это было время, когда дом графов Шампанских, можно сказать, держал в своих руках французское королевство. Их владения полукольцом охватывали домен короля. В 1152 г. умер граф Блуаский и Шампанский Тибо Великий, оставив после себя четырех сыновей. Первый из них, Генрих Щедрый, унаследовал богатые графства Шампань и Бри; он был женат на дочери короля Людовика VII Марии. Вторым, Тибо Добрым, получил графство Блуа и Шартр; он был женат на дочери Людовика VII Алисе; с 1154 по 1191 г. имел высший в феодальной иерархии сан сенешала Франции. Стефан получил графство Сэнсер. Четвертый сын, Вильгельм Белорукый, достиг высшего положения во французской церкви, будучи избран архиепископом Реймским; он был регентом во время III крестового похода. Наконец, сам король Людовик VII в 1160 г. женился на Адели, сестре четырех братьев, которая стала матерью Филиппа II Августа. Привязав к себе узами родства дом Блуа—Шампанский, «Людовик VII собственными руками сплел сеть, в которой чуть было не запуталась королевская власть. Шампанцы стремились то господствовать над королевской властью, то освободиться от нее».¹⁶ Сенешал Тибо в 1159 г. вступил в союз с королем Англии и вторгся в домен короля. Генрих, граф

Baptiste de Bourbon. — Bulletin des amis du château de Pau, 1973, N 58. — В перечисление ее, возможно, был бы введен материал, который представляют три наши грамоты, удостоверяющие дарение аббатству барона Бурбонна Гю де Дамьера.

¹⁶ П. т и Д ю т а н и Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии X—XIII веков. М., 1938, с. 181.

Шампанский, ведя переговоры от имени Людовика VII с Фридрихом I Барбароссой, проявлял своеволие и готов был перейти под сюзеренитет императора. Молодой Филипп II Август решительно противился засилью шампанского дома и позднее принял его к покорности, но затем последний снова поднялся в лице графа Шампанского Тибо IV.

В переплетении всех изложенных обстоятельств связь дома графов Шампанских с аббатством Фонтевро выглядит непростой, в еще более любопытном свете показывает ее список аббатисс, который имеется в книге Босбефа.¹⁷ В 1207 г., когда Иоанн Безземельный признал власть Филиппа II Августа в Анжу, аббатство возглавляла Мария Шампанская, первая аббатисса из дома графов Шампанских, в следующем, 1208 г. Марию сменила ее дочь Алиса Бурбонская, в 1209 г. была избрана племянница Марии Алиса Шампанская, а в 1221 г.¹⁸ — другая ее племянница, Алиса Блаасская. В XVII в., перечисляя бывших монахинями в Фонтевро представительниц дома графов-палатингов, каковыми были графы Шампанские, Р. Павильон осмелился даже заявить: «Можно сказать, что палатинат некоторым образом был перенесен в Фонтевро, или что Фонтевро стало вторым палатинатом».¹⁹

Наши документы уточняют и дополняют сведения по истории отношений дома графов Шампанских и аббатства Фонтевро. Например, нигде, кроме наших грамот, мы не нашли свидетельства о дарении аббатству крупнейших феодалов Шампани графов Бриенских. Историкам хранящиеся у нас грамоты графов Шампанских и их вассалов неизвестны, в соответствующих каталогах, за исключением копий двух грамот, они не учтены.

Место же наших грамот в документальном наследии аббатства Фонтевро, если принять во внимание их число, представляется незначительным. Архив аббатства неплохо сохранился, в XVII—XVIII вв. он был описан в обширном инвентаре Лардье, в сборниках копий и извлечений из грамот, составленных известными юристами Дюшеном, Геньером, Э. Усо и сотрудниками последнего. Лардье трудился в течение 12 лет (начиная с 1648 г.), он упорядочил архив и оставил после себя 9 томов в лист, которые ныне хранятся в архиве Департамента Мен-э-Луар.²⁰ Во время Великой французской революции, 27 января 1793 г., власти сомюрского дистрикта конфисковали архив аббатства и переправили в город Сомюр, по этому случаю был составлен его краткий инвентарь, где числилось 140 связок документов, которые относились только к приоратам, подчинявшимся аббатству, помимо

¹⁷ B o s s e h o u f L. A. Fontevault. . . . — К сожалению, данные этого автора ненадежны.

¹⁸ Боссеф указывает 1230 г.

¹⁹ P a v i l l o n R. La vie. . . , p. 221.

²⁰ The Catholic Encyclopedia, vol. VI, p. 131; M a r c h e g a y P. Chartes de Fontevraud concernant l'Anjou et la Rochelle. — Bibliothèque de l'École des chartes, 1858, quatr. ser., t. IV, p. 133.

множества связок документов, которые касались собственности самого аббатства. Каноник Юауро, опубликовавший этот инвентарь в 1926 г., сообщил, что значительное число из перечисленных в инвентаре документов хранится в архиве Департамента Мен-э-Луар.²¹ В 1955 г. был опубликован подробный инвентарь документов аббатства Фонтевро, которые находятся в этом архиве.²² Подлинные документы аббатства есть в архиве Департамента Вьенна, но к интересующему нас периоду относится лишь две грамоты.²³

Немало материалов, потерянных в архиве аббатства, в частности копии Дюшена,²⁴ Геньера²⁵ и Усо,²⁶ хранятся в Отделе рукописей Парижской национальной библиотеки, а также в Национальном архиве Франции. Документы из архива аббатства были особенно старательно использованы, а некоторые опубликованы в той довольно богатой литературе, которая появилась в XVI—XVII вв. в связи с реформированием ордена, спорами об уставе и усилиями, предпринятыми к канонизации его основателя.

Таково документальное наследие аббатства Фонтевро. Несколько же хранящиеся у нас материалы отражены в сборниках копий, имеющихся в рукописных собраниях Франции, за недостатком сведений мы судить не можем. О единственном сохранившемся подлинном картулярии аббатства, где с достаточной полнотой, как это обычно бывало, представлены тексты его грамот, мы знаем, что он обрывается на середине XII в.²⁷ и для нас в счет не идет.

Не будем смущаться местом наших грамот среди документов Фонтевро, как оно сейчас вырисовывается. Далее мы увидим, что 14 грамот скорее всего составляют осколок наиболее важной части архива аббатства, некогда рассеянной. Кроме того, особый интерес наших грамот раскрывается, когда мы подходим к ним как документам прежде всего тех лиц, которые изъявили в них свою волю. Мы уже отметили, что грамоты графов Шампанских и их вассалов,

²¹ Uzureau ch. Les archives de l'abbaye de Fontevault. — Société des lettres sciences et arts de Saumurais, 1926, N 44, p. 34—37.

²² Levrion J. Répertoire numérique des archives départementales de Maine-et-Loire. Série II, lin. Angers, 1955. — К сожалению, книга осталась пока для нас недоступной.

²³ Monsabert Dom P. de. Etat sommaire des fonds concernant l'histoire monastique conservés dans la série II des Archives départementales de la Vienne. — Revue Mabillon, 1912, t. VIII, N 31, p. 267.

²⁴ Poupardin R. Bibliothèque nationale. Catalogue des manuscrits des collections Duchesne et Bréquigny. Paris, 1905.

²⁵ Bibliothèque nationale, Lat., 5480. — О сборнике и его составителях см.: Delisle L. V. Cabinet des manuscrits de la Bibliothèque impériale, t. 1—3. Paris, 1808—1881, Index.

²⁶ Lauer Ph. Bibliothèque nationale. Paris. Département des manuscrits. Collections des manuscrits sur l'histoire des provinces de France. Inventaire, t. II. Paris, 1911, p. 292.

²⁷ Mouré R. I. Reconstruction of the cartulary of Fontevault. — Bulletin of the Institute of Historical Research, 1968, vol. XL1, n. 103, p. 86—99.

за исключением копий двух из них, в существующих каталогах не учтены, и это не случайно. Известно, что архивы феодальных фамилий воссоздаются прежде всего благодаря разысканиям в архивах духовных учреждений: не всегда историки могут взять на себя такой труд и не просто бывает напасть здесь на верный след. Как мы увидим далее, уникальной, возможно, явится грамота Ги де Дампьера.

На происхождении грамот строится и все наше их рассмотрение. На этой основе грамоты соединяются в пять групп, в каждой из которых обнаруживают большее или меньшее сходство в содержании, при этом удостоверяемых ими правопых актов и их дипломатическом оформлении. Это три грамоты графов Шампанских, три грамоты их вассалов графов Бриенских и три грамоты, удостоверяющие дарения маршала Шампани барона Бурбонна Ги де Дампьера, все они представляют один наиболее частый для своего времени тип документа — утверждение либо подтверждение дарения феодального владельца духовному учреждению. К этим трем тесно связанным между собой группам примыкают две грамоты короля Филиппа III, где подтверждается завещание аббатству. Все пожертвования, которые содержатся в 11 грамотах названных групп, были сделаны в виде денежной ренты. Наконец, особняком стоят три грамоты, относящиеся к округе Конэ и Пулу, они скрепляют различные частные сделки.

Теперь ознакомимся с каждой грамотой. Порядок расположения грамот в Архиве ЛОИИ СССР принимать во внимание не будем, поскольку в архиве они не составляют даже самостоятельной коллекции. Наряду с прочими древнейшими в архиве институте французскими документами они заключены в картон 326 и 327; 10 из них в картоне 326 составляют цельную группу, где следуют одна за другой в хронологическом порядке, а остальные 4 в собрании французских грамот оказались помещенными отдельно. Мы будем указывать после внешних дипломатических характеристик грамоты ее номер и виде дроби, где в знаменателе будет обозначен номер картон, а в числителе — номер документа. Все грамоты являются оригиналами, написаны на латинском языке, материалом служит пергамен.

1. 1174. Провен. Дарственная грамота Генриха I Щедрого, графа Шампанского (1152—1181). Генрих утверждает дарение 10 ливров годового дохода своей сестре Марии, до монашества герцогине Бургундской.²⁸ Выплата денег назначена в лавке менялы (mensa cambiaria) в Труа, которая стоит первой в ряду других лавок перед домом Теобальда де Форо (Theobaldi de Foro), возло церкви св. Иоанна, либо в случае невозможности этого в лавках других менял. Выдаваться они должны приору монастыря Фуанси

²⁸ Вступила в монастырь в 1162 г.

либо его доверенному, половина суммы во время ярмарки св. Ремии и половина во время ярмарки св. Иоанна. После смерти Марии рента останется церкви Фонтевро для ежегодного поминовения Марии. Свидетелями выступали графиня, жена дарителя, Ансель де Тренель (*dominus Ansellus de Triagnello*), Роберт де Мили (*Robertus de Milliaco*), маршал Вильгельм (*Willerlmus marescallus*), Матвей, брат последнего, Абраам де Провен (*Habrannus de Pruvinno*), Эртальд камерарий (*Ertaldus camerarius*) и Петр из Лангра (*Petrus Lingonensis*). Дано канцлером Вильгельмом (*per manum Guillerlmi cancellarii*). Знак (*nota*) Вильгельма из Провена (*Guillerlmi pruviniensis*).

Лист неправильной формы, 16.5×12.5 см, не считая загнутой полоски внизу; через узкие прорезы продеты четыре красных шнура печати (в тексте грамоты Генрих I объявляет о скреплении грамоты одной своей печатью); слева внизу проколы.^{6/329}

Опубликована на основе копии Геньера (*Bibl. nat., lat., 5180, p. 447*) в кн.: Arbois de Jubainville A. d'. *Histoire des ducs et des comtes de Champagne*, t. III. Paris, 1861, p. 464, cfr. p. 365. Основные разночтения, соответственно в оригинале и опубликованном тексте: *trecensis*—*trecensiun* (более обычная форма); *priori de Foiseico*—*priori de Foiseio*; *Habrannus de Pruvinno*—*Habrannus de Pruvinno*.

2. 1187. Сезан. Грамота Генриха II, графа Шампанского (1181—1197), подтверждающая предыдущий акт. В качестве получателя здесь назван не приор, а приорисса (*reddentur priorisse de Foissiac*). Дана канцлером Гвидо (*per manum Guidonis cancellarii*). Знак (*nota*) Вильгельма (*Willerlmi*).

23×20 см, прорезы для шнура или пергаменной ленточки печати; слева внизу проколы.^{7/326}

В каталоге грамот графов Шампанских (Arbois de Jubainville A. d'. *Op. cit.*) не учтена. В Архиве ЛОИИ СССР есть еще одна подлинная грамота Генриха II, не имеющая отношения к Фонтевро (^{17/326}, датирована 1188 г.). Эта грамота также дана канцлером Гвидо и имеет знак Вильгельма, однако знак и имя, как и весь текст грамоты, выполнены другим почерком, и это заставляет думать, что указанные знаки не являются знаками писца.

3. 1220, день обозначен праздником сретения (*Purificatio beatae Mariae*), который отмечается 2 февраля. Дарственная грамота Гуго IV Песковца, графа Шампанского (1201—1253). Гуго утверждает свое дарение на вечные времена монахиням Фонтевро 30 ливров годового дохода, взимаемых ежегодно на ярмарке св. Айгульфа в Провено (*sancti Augulphi de Pruvinno*). Деньги предназначаются для трапезы монахинь (*ad refectiorem eandem*). Сами же монахини обещают дарителю справлять службу святому духу, а после смерти дарителя ежегодно помянуть его.

Тонкий, тщательно выделанный пергамен, 13.5×19 см; круглые прорезы для шнуров печати, слева внизу проколы.^{47/320}

В каталоге грамот графов Шампанских (Arbois de Jubainville

А. d'Or. cit., t. V. Paris. 1863, N 1985) учтены только копии нашей грамоты: 1) в современном оригиналу грамоты картулярни графов Шампанских, обозначаемом «Cartulaire de M. de Thon», Bibl. nat., ancien fonds latin, 5992, f. 355 r; 2) в копии этого картулярни, хранящейся в библиотеке Труа, № 22, p. 235; 3) в сборнике Гюльера (Bibl. nat., lat., 5480, p. 445).

4. Без даты. Дарственная грамота Вальтера II, графа Бриенского (Walterus comes Briene, около 1125—1158). Вальтер II утверждает свое дарение церкви и монахиам Фонтенро 7 ливров ренты из доходов от леса Пине (in redditibus nemoris Pignei), с тем чтобы на эти деньги монахиам имели один раз в году «общий стол» (cibum generalem). Дарение сопровождается согласием и одобрением жены дарителя и сыновей. Свидетелями выступали (воспроизводим список в оригинале) Nicholas capellanus, Girardus capellanus Briene, Lambertus capellanus, Dodo miles de Cepol, Petrus de Rishello, Hestanz (sic!) miles de Briel, Milo cellarius, Wibertus famulus de Pigne.

13.5×13 см, прорези для пергаменной ленточки печати, слева внизу два прокола.^{3/320}

Не учтена в каталоге грамот графов Бриенских (Arbois de Jubainville A. d'. Catalogue des actes des comtes de Brienne. — Bibliothèque de l'École des chartes, 1872, t. XXXIII). Сведения, содержащиеся в грамоте, не использованы в обширном, претендующем быть исчерпывающим Историческом словаре Южнкой Шампани (Rose G. A. Dictionnaire historique de la Champagne meridionale (Aube) d's origines à 1790. Troyes, Langres, Bar-sur-Aube, Angers. 1942—1948. 3 vol. Cfr. fasc. 2, p. 238; fasc. 15, p. 1117—1118). Данную грамоту и две нижеследующие можно присоединить к пяти известным автору словаря грамотам XII—XIII вв., где Пине упоминается как владение графов Бриенских.

5. Без даты. Грамота Вальтера III, графа Бриенского (1192—1205), которой он подтверждает дарение своего деда, Вальтера II, 7 ливров годового дохода церкви Фонтенро и его же дарение 60 солидов годового дохода церкви Фуаси. Деньги должен выдавать прево Пине (per manum pretoris de Pigni) ежегодно в воскресенье после пасхи (in octabis Pascho).

19.5×8.5 см, не считая загнутой полоски внизу; строки наклонены; прорези для пергаменной ленточки печати, слева внизу прокол.^{6/328}

В каталоге грамот графов Бриенских не учтена.

6. 1223, январь. Грамота Вальтера IV, графа Бриенского, которой он вслед за Эрардом II, своим дедом, Вальтером III, своим отцом, и Иоанном, королем Иерусалимским, своим дядей, подтверждает дарение Вальтера II монахиам Фонтенро 7 ливров ренты и монахиам Фуаси 60 солидов ренты, назначенных среди поборов с леса Пине (in consuetudinibus nemoris de Pigneio assignatos). Вальтер IV подтверждает также дарение Иоанна, короля

Лист обрезан неровно, 20×6 см; через прорези продета пергаменная ленточка печати; слева внизу прокол.^{8/326}

В каталоге архива герцогов де Бурбон не учтена. В данной грамоте, очевидно, речь идет о том же самом даре, что и в предыдущей (заметим, что 500 солидов равны 25 ливрам).

9. 1211, июнь. Грамота Ги де Дампьера, которой он утверждает свое дарение церкви и монахиням Фонтенро 20 провенских ливров (*libras p[ro]vin[ci]ensium*), ежегодно взимаемых в воротах Груа. Ежегодный сбор с ворот Гвино де Дамьера составлял 3½ ливра, половину суммы он получал во время ярмарки св. Иоанна и половину во время ярмарки св. Рамигия.

Тонкий пергамен, 13×11.5 см, лист к правому краю сужается; прорези для пергаменной ленточки печати; слева внизу прокол.^{9/328}

В каталоге архива герцогов де Бурбон не учтена, причем во всем каталоге отмечена лишь одна подлинная грамота Ги де Дамьера (*Henri I l'ard - Brehollès*. *Op. cit.*, N 53), датированная маем 1207 г., и имеется отсылка к публикации оригинала еще одного документа, датированного ноябрем 1213 г.: *Teulet A. Layettes du Trésor des Chartes*, t. I. Paris, 1863, N 1055. Ги де Дамьер занимал выдающееся положение во время правления Филиппа II Августа, был приближенным короля, возглавлял королевские войска, его печать скрепляет один ордонанс 1209 г. вместе с печатью короля и пятью печатями других магнатов Франции. С него началось возвышение дома Бурбонов, и, по нашим сведениям, он первый из сеньоров Бурбонна уже после 1200 г. стал выдавать грамоты, скрепляя их своей печатью.

10. 1275, декабрь. Париж. Открытая грамота Филиппа III Смелого, короля Франции (1270—1285). На основании устного доклада Герберта де Капелла (*Herbertus de Capella*), рыцаря, соопечника Пулту, Филипп III подтверждает осуществленное по его повелению Гербертом де Капелла назначение препо Монтрей Бонен (*castri nostri de Mosterolo Bonin*) в качестве лица, обязанного выплачивать ренту в 20 турских ливров (*libras Turonensium*), завещанную аббатиссе и конвенту Фонтенро лядей и перным короля Альфонсом, графом Пулту и Тулузы. Прево Монтрей Бонен должен ежегодно выплачивать половину суммы в праздник вознесения (отмечается на 40-й день после пасхи) и половину в праздник всех святых (1 ноября).

Лист правильной прямоугольной формы, 26×12 см, не считая загнутой полоски внизу; две небольшие ромбовидные прорези для шнуров печати; строки напечатаны, причем текст ограничен вертикальными линиями — все в соответствии с описанием внешних характеристик королевской открытой грамоты XIV в., которое дает Тессье: *Tossier G. Diplomatique royale française*. Paris, 1962, p. 237.^{12/326}

11. 1276, июль. Париж. Открытая грамота Филиппа III, короля Франции. Филипп III предписывает сенешалу Пуату во исполнение завещания Альфонса, покойного графа Пуату и Тулузы, дяди короля, выплачивать ежегодно в превостве Монтрём-Бонен 20 турецких ливров ренты аббатиссе и конвенту Фонтевро для ежегодного поминовения завещателя. Половину суммы следует выдавать ежегодно на 8-й день после праздника всех святых (*in octavis omnium sanctorum*) и половину на 8-й день после праздника вознесения. Кроме того, соответственно распоряжению душеприказчиков Альфонса Филипп III предписывает сенешалу Пуату выплачивать ежегодно в превостве Пуатье сверх указанной суммы еще 20 турецких ливров ренты аббатиссе Фонтевро. Сумма предназначалась для улучшения монастырской трансэы.

Лист правильной прямоугольной формы, 24,5×19 см, не считая загнутой полоски внизу; строки параллельны, вертикальные линии ограничивают текст; ромбовидные прорезы для шнуров печати. ^{25/357}

Грамоты Филиппа III в документальном наследии французских королей XIII в. наименее изучены. Издание документов королевской Сокровищницы хартий (*Layettes du Trésor des chartes. Publ. par A. Teulet, continué par J. de Laborde, E. Berger, H.-F. de Laborde. T. 1—5. Paris, 1863—1909*) было доведено до 1270 г., т. е. до того времени, когда Филипп III вступил на престол. Оно было возобновлено на новых принципах частичной публикации документов (*Registres du Trésor des chartes. Inventaire analytique établi par J. Glénisson et J. Guérout sous la direction de R. Fawtier. T. 1—2, première partie. Paris, 1959—1966*), однако начиная с правления Филиппа IV Красивого (1285). В рассматриваемых документах отразилось главное деяние Филиппа III, состоявшее в том, что, провозгласив себя наследником Альфонса, графа Пуату и Тулузы, он присоединил владения последнего к королевскому домену.

В Архиве ЛОИИ СССР хранится еще одна грамота Филиппа III, датированная июлем 1273 г. (^{26/327}). Эта грамота сохранила печать зеленого воска на шнурах из красных и зеленых нитей (такой печатью скреплялись открытые грамоты французских королей). Лицевая сторона печати стерта, на обороте же имеется изображение десяти королевских линий на щите. Сравнение разливки, письма с характерными крюками верхних выносных и вытянутыми влево хвостами нижних выносных и проч. во всех трех грамотах (1273, 1275, 1276) показывает их единое происхождение.

12. 1266, январь. Грамота Вильгельма, аббата монастыря Фонтен-ле-Конт (*Guillelmus... abbas Fontis Comitis*), содержащая договор между аббатом монастыря Фонтен-ле-Конт и его конвентом, с одной стороны, и аббатиссой и конвентом Фонтевро — с другой; относительно договора выразили свое согласие Маргарита, приорисса, и Иоанн, приор монастыря в Фонтевро. По этому

договору аббат монастыря Фонтен-ле-Конт и его конвент по исполнению установления *consuetudo patrie* (иначе *usus, assisia patrie*) уступили за определенную плату аббатству Фонтевро ренту в 22 сетые зерна, которую они получали в феоде этого аббатства. Но по их просьбе аббатисса Фонтевро и ее конвент согласились сохранить за ними неотчуждаемое право (*concordarunt in perpetuum et amortizarunt*) получать в феоде аббатства Фонтевро в виде постоянной выплаты 8 сетые и одну мину зерновых в мерах Жоне и два денария ценза (*duos denarios censuales*). При перечислении участков земли, с которых шла эта выплата, указаны названия мест (*Alabee, piscarii Aus Boncaus, Infernus, Luchiron de campo Lamberti*), а также имена связанных с этими участками лиц (*Petrus Jaboil, ballivus Suus (?) de Jaunayo, Raginaldus Decanus*). Первоначально через пожертвования и покунку монастырь Фонтен-ле-Конт получал в феоде аббатства Фонтевро 30 сетые и одну мину зерна, а именно пшеницу, рожь и бобы, одинаково в мерах Жоне и Пуатье). Инициатором договора были аббатисса и конвент Фонтевро (*ipsis abbatissa et conventu instantibus*).

29.5×21 см, строки наlined свинцовым карандашом; прорези для двух пергаменных ленточек печатей; слева внизу проколы с остатками нитей. ¹⁸/₂₃₇.

В архиве Департамента Вьенна хранится второй оригинал этой грамоты (*Série II. Abbaye de Fontaine-le-Comte, liasse 24*): Montsabbert Dom de. Etat sommaire des fonds concernant l'histoire monastique, conservés dans la série II des Archives départementales de la Vienne. — *Revue Mabillon*, 1911, 7me année, N 27, p. 367.

13. 1269, 15 мая (в среду после пятидесятницы).³¹ Грамота официала епископа Пуатье. Удостоверяется, что Гуго де Вильнев (*Hugo de Nova villa valetus*) и Фландина, его жена, продали за 15 ливров ходичей монетой аббатству Фонтевро ренту (6 сетые и 1 буасо пшеницы, 5 кур, 3 каплуна и 3 денье), которую по обычаю принимали в качестве приданого Фландины (*recepere consueverant ratione ipsius Flandine*) вблизи Жоне в феоде аббатства Фонтевро ежегодно в праздник св. Михаила. Грамота скреплена печатью суда епископа Пуатье по просьбе названных Гуго и Фландины.

22×14 см, не считая загнутой полоски внизу; через прорези продета пергаменная ленточка с остатками желтого воска; слева внизу круглая прорезь. ¹¹/₁₆.

По записи, сделанной на обороте грамоты во второй половине XV в. либо в первые десятилетия XVI в., видно, что впоследствии рента была перерассчитана: «Теперь улавливается 32 буасо пшеницы,³² 33 буасо ржи, 8 каплунов, 2 куры и 3 денье».

³¹ Пятидесятница 1269 г. приходилась на 12 мая, следовательно, среда — 15 мая.

³² Буасо пшеницы в Париже был равен примерно 13 л, сетые пшеницы — примерно 156 л. Меры Пуатье и, вероятно, Жоне были выше.

14. 1302, 13 мая (в воскресенье, когда служат *Jubilate*).³² Грамота Гуго Мьенита (*Hugo Miennit (sic)*), хранителя печати короля Франции при сенешале Пуату. Гуго Мьенит по решению суда сенешала короля обязал Аймерика де ла Жари (*Aymericus de la Jargie*) и Сколастику (*Scolastica*), его жену, проживающих в приходе церкви св. Георгия, к выполнению условий их сделки с Михаилом Бланшес (в дательном падеже: *Michaeli Blanchesi*) и его женой. Аймерик де ла Жари с женой продали последним за 50 солидов ходячей монетой на четыре года вперед, начиная с праздника Иоанна Крестителя в 1304 г., четвертую часть травы с луга, именуемого *Pratum de Insulo*. Луг расположен в приходе церкви св. Георгия и граничит с одной стороны с мельницами аббатиссы Фонтевро, а с другой — с лугом Адемари де Форж (*Ademari de Forgis*). Грамота дана в присутствии Тибальда Фромента, Иоанна Дебатинь и Гилета Понтеан (*presente Theobaldo Froment, Johannes Debatigne et Gileto Pontean*).

Лист неправильной формы, 24×11.5 см, сужается к правому краю; справа внизу отрезана полоска на половину ширины листа, на ней остатки коричневого воска; слева внизу три прокола.^{12/321}

Писец внизу оставил подинсь (которую мы не сумели прочесть), а на обороте среди прочего отметил, что луг, о котором идет речь, находится вблизи Жюне (*arud Jauneum*). Наблюдение некоего Эймери де ла Жари упомянуто в топографическом словаре Департамента Вьенна: *Redet M. L. Dictionnaire topographique de la Vienne. Paris, 1881.*

Ввиду разнообразия наших грамот и того обстоятельства, что даже в канцелярии французских королей еще во времена Филиппа II Августа (1180—1223) не утвердился единый графический стиль, нам при рассмотрении 14 грамот аббатства Фонтевро не приходится говорить о традициях канцелярий в письме, исключая, правда, грамоты короля Филиппа III. Вместе с тем почерки, которыми они написаны, весьма характерны для своего времени и в совокупности дают выразительную картину изменений в канцелярском письме на протяжении полутора столетий — от середины XII до начала XIV в.

Почерки наших грамот не отстают сколь-нибудь заметно от передовых канцелярских почерков со все более явными чертами беглости. Лишь письмо самых ранних грамот № 1 (1174 г.) и 4 (не позднее 1158 г.) еще не приобрело никаких свойств легкого и быстрого канцелярского письма, и грамота № 1, которая хотя и происходит из перворазрядной канцелярии графов Шампанских, написана на удивление неловкой рукой. В отличие от всех наших грамот более позднего времени нижние выносные в этих двух грамотах лишены направленных влево хвостов, которые были ха-

³² Т. е. в третье воскресенье после пасхи, которая в 1302 г. приходилась на 22 апреля.

рактерны с разными видоизменениями для письма ведущих европейских канцелярий в последние десятилетия XII и XIII вв. Сжатый, сравнительно тяжелым для своего времени письмом с изломом вертикалей написана грамота аббата монастыря Фонтен-ле-Конт (1266 г.), хотя в ней и воспроизводятся некоторые особенности канцелярского курсива третьей четверти XIII в., например петля выносной *d* и прямые длинные хвосты нижних выносных.

В «Латинской палеографии» А. Д. Люблинской помещена неполная фотокопия грамоты Генриха II, графа Шампанского (1187 г.).³⁴ третьей по времени написания среди рассматриваемых грамот. Выполнена она каллиграфическим канцелярским письмом, которое наряду с украшениями нарочито вытянутых верхних выносных, унаследованными от прежних времен, отличаются опущенные под строку хвостики вертикалей.

Подобно современному им свободному письму папских бреве и англо-нормандских документов 4 грамоты конца XII — первых десятилетий XIII в.: № 7 (1196 г.), 8 (1196 г.),³⁵ 9 (1211 г.), 6 (1223 г.) — написаны с большим или меньшим наклоном влево. В XII в., особенно во второй его половине и в начале XIII в., вертикали с должным пажимом удобнее всего было начертывать, наклоняя их влево; особенно плохо поддавались выпрямлению вертикали *r* и *s*; хорошие примеры тому дают грамоты № 1 (1171 г.) и 5 (1192—1203 гг.). С последним обстоятельством связано и появление у длинных вертикалей, опускаемых под строку, резкого выступа вправо примерно на уровне нижнего предела основного корпуса слова, такие выступы встречаются во всех наших грамотах XII в., за исключением самой ранней (но позднее 1158 г.): № 1, 2, 5, 7, 8,³⁶ но мы не находим их в более поздних грамотах.

Рассматривая последовательно по времени написания грамоты, мы наблюдаем, как неуклонно почерки набирают беглость. По сравнению с почерками XII в. почерки XIII в. выглядят значительно более легкими, они в полтора-два раза мельче последних. В грамоте Ги де Дампьера (1211 г.) впервые в наших грамотах появляется в одном только случае буква *d* с выносной в виде петли, а среди пяти грамот, написанных начиная с 1266 г., только в грамоте аббата Фонтен-ле-Конт (1266 г.) *d* с петлей не пыталась еще полностью прежнюю форму. Более того, в грамоте официала епископа Пуатье (1269 г.) и в грамоте хранителя королевской печати при сенешале Пуату (1302 г.) не только выносная *d*, но и все основные верхние выносные начертываются в виде петель, что соответствует беглому характеру почерков, которыми написаны эти грамоты. Во второй из них писец начертывает, не отрывая пера, по несколько малых вертикалей, при этом перо движется главным образом по ходу часовой стрелки; длинные вертикали начертываются здесь

³⁴ Табл. 41.

³⁵ См. рисунок.

³⁶ См. первую строку рисунка.

уже с тем выразительным нажимом и заострением внизу, которые будут определять облик канцелярских почерков на протяжении нескольких последующих столетий. Писцы двух последних грамот должны были по своему положению записывать большое число частных актов, что объясняет беглость их почерков.

Грамоты короля Филиппа III (1275, 1276 гг.) написаны менее беглым, более размеренным почерком, вероятно в соответствии с их значением королевских открытых грамот, наиболее высокой категории грамот. Верхние выносные здесь не замыкаются в петлю, но имеют вид своеобразных крюков, что составляет отличительную особенность письма этих грамот. Две грамоты Филиппа III, данные аббату Фонтенро, на наш взгляд, написаны одной рукой, с тем только отличием, что в позднейшей из них кончики хвостов у нижних выносных загибаются вниз, тогда как в более ранней хвосты просто вытянуты влево — сопоставляет этому то, что в позднейшей грамоте разбивка более частая и текст располагается гуще. Сопоставление с третьей имеющейся в нашем архиве грамотой Филиппа III (1273 г.), как мы отмечали, убеждает в единстве графического стиля трех грамот, прежде всего это относится к форме верхних выносных, в том числе выносной *d* с прямой жирной палкой и правильной тонкой дугой.

Дипломатические особенности наших документов достаточно отражают историю французского документа в ту переломную эпоху (XII и XIII вв.). Как хорошо известно дипломатистам, в начале этого периода во Франции документ сам по себе не был достаточным удостоверением правового акта, составление его не было подлинным завершением последнего. Правовой акт удостоверялся прежде всего призванием свидетелей, и документ служил для этого памяткой. Именно в самых ранних наших грамотах — № 1 (1174 г.) и 4 (не позднее 1158 г.) — содержатся списки свидетелей, которые больше нигде не встречаются, кроме самой поздней из наших грамот — № 14 (1302 г.). Общую картину последних грамот существенно не нарушает, так как она, будучи составленной в форме судебного решения, заметно отличается от всех остальных грамот, удостоверяющих волеизъявления и сделки.

К середине XII в. носители судебной власти, епископы, аббаты и крупные феодалы по сюду в качестве знака, надежно скрепляющего правовой акт, стали употреблять печать (ни одна из наших грамот не осталась в свое время без печати). Представители судебной власти в те времена обычно не занимались оформлением частных сделок, которые бы происходили в их присутствии, но они могли засвидетельствовать уже совершенный акт на основе объявления, сделанного в суде со участниками. В документе, который они выдавали, о сделке сообщалось в прошедшем времени, и волеизъявители представлялись в третьем лице, такого рода документы получили название *notitiae* (notitia). Обычай их составления основывался на том представлении, что объявление в суде

о принятых обязательствах или о передаче прав является признанием как бы должника (*recognitio in iure*), а все признанное в суде считалось присужденным. Документы, скрепленные печатью посылителя судебной власти, имели особую силу доказательности, но сделка была действительна и без них.

К такому типу документов принадлежит грамота епископа Отенского (1196 г., № 8), в ней есть и характерное слово «признал» (*recognovit*), употребленное в отношении дарителя. Грамота дана лишь для придания большей доказательности (*ad pleniorē evidentiam*) совершаемому пожертвованию. Близка к этому типу грамота епископа Клермонского (1196 г., № 7), в которой любопытно упоминание письменной просьбы дарителей подтвердить их пожертвование.³⁷

В следующем, XIII в. удостоверение сделок частных лиц стало давать значительные доходы судебной власти. Епископские официалы-судьи оказались наиболее предприимчивыми, они отряжали на места в большом числе уполномоченных ими клириков с тем, чтобы последние приготавливали текст документов, которые затем скреплялись печатью официала. В основе грамот официалов было все то же представление о признании в суде (их называли *litterae recognitionis*), но теперь роль документа в совершении сделки стала более важной и была выработана устойчивая его форма. Начинались эти грамоты определенным обозначением должностного положения лица, выдающего грамоту, в этом состояла субскрипция (*subscriptio*), затем следовали общее обращение (*Universis presentes litteras inspecturis*) и приветствие (*salutem in domino*). После приветствия сообщалось, что участники сделки лично явились к официалу, хотя на самом деле они могли иметь дело с клириком. Именно так составлена грамота официала епископа Пуатье (1269 г., № 13), только, как это нередко бывало, обращение в ней предшествует субскрипции наподобие грамот-посланий (*litteres missives*). О самой сделке в этой грамоте сообщается так, что можно думать о ней как о совершенной в присутствии судьи. Во всяком случае составление документа является здесь подлинным завершением сделки, без него невозможно твердое установление новых отношений, поскольку в грамоте объявлено, что передача ренты осуществляется через передачу этой грамоты (*per traditionem presentis instrumenti in perpetuum transferendo*).

Грамоты официалов служили образцом и для других лиц, выдававших грамоты. Судя по неловкому, тяжелому письму, грамота аббата Фонтен-ле-Конт (1266 г., № 12) была написана монастырским писцом, но начинается она тем же обращением, субскрипцией и приветствием, что и грамота официала. То же самое мы видим и в грамоте хранителя королевской печати при сенешале Пуату

³⁷ В известных нам руководствах по дипломатике о таких письменных просьбах ничего не говорится.

(1302 г., № 14): повторяются все формулы, в том числе формула сообщения о том, что участники сделки лично явились к хранителю печати.

В самом начале XIV в. королевские провинциальные суды, которые только в правление Людовика VIII (1223—1226) получили свои печати (в связи с чем и появилась должность хранителя печати), вытеснили епископских официалов в деле удостоверения сделок, но сохранили у себя форму грамот, принятую последними. Они лишь более настаивали на подчинении судебной власти королю личности и имущества участников сделки, соответствующая формула имеется и в грамоте хранителя королевской печати при сенешале Пуатье: *Et nos ipsos venditores coram nobis presentes et quoad observationem omnium et singulorum premissorum iuri dicti domini regis supponimus.*

Три последние грамоты (1266, 1269, 1302 гг.) сколь по составу формул похожи между собой, столь же отличаются от остальных 11; например, только в них имеется приветствие.

Грамота официала епископа Пуатье (1269 г.), помимо прочего, замечательным образом показывает, как на составлении документов сказалось развитие судопроизводства в XIII в. и связанное с этим изучение римского права. Более изощренное судопроизводство, особенно применение римского права, позволяло во многих случаях снять с себя принятые обязательства, отсюда ненормальное разрастание той части документов, где участники сделки отказывались пересматривать установленные отношения и оговаривали все возможные случаи их пересмотра. Клирики официалов показывали здесь свою ученость, нередко вставляли пункты, которые не имели отношения к делу. В грамоте официала епископа Пуатье «формулы отречения» (*clausulae repuntiationis*) составляют две трети всего текста грамоты. Они присутствуют и в грамоте аббата Фонтен-ле-Конт (1266 г.), но их нет в грамоте хранителя королевской печати (1302 г.). Вероятно, форма судебного решения, которая придана последней (*super premissum iudicio curie dicti domini regis mediante condemnimus et iudicavimus*), достаточно ограждала сделку от возражений против ее законности, от всякого рода эксцессов, к тому же в 1273 г. король Филипп III запретил применение римского права в областях, где господствовало феодальное обычное право.

Между отдельными грамотами обнаруживаются различные связи, рассмотрение которых позволит более определенно судить о целостности нашего небольшого собрания грамот из Фонтенро. В одном случае — это родственные отношения между действующими лицами документов. Мария Бургундская, сестра шампанского графа Геприха Щедрого, упомянутая в грамотах № 1 и 2, приходится бабушкой Матильде, жене Ги де Дампьера, которая выступает в качестве дарительницы в грамотах № 7 и 8. В 1196 г., когда Ги де Дампьер и Матильда совершили свое дарение аббат-

ству Фонтевро, там была монахиней Алпса Бургундская, дочь Марии и мать Матильды. Таким образом, в вопросе об отношениях дома графов Шампанских и аббатства Фонтевро две грамоты 1196 г. (№ 7 и 8) интересны не только как документы прямого пассаля графов, но и прямо свидетельствуют об этих отношениях.

Другой вид связей — общая архивная судьба ряда документов. Ее можно проследить по различным пометам, главным образом на оборотной стороне грамот: пометы показывают, что рассматриваемые документы, несмотря на всю их разнообразие, дошли до нас по в случайном наборе.

Ранее всего, судя по почерку, в конце XVI в. получили особые шифры на обороте три грамоты, которые относятся к округу местечка Жюне:

16^е / f. 6 Sac 2 — N 12
24^е / f. en. 6 Sac 2 — N 13
21^е / f. 6 Sac 2 — N 11

Документы, вероятно, находились в одном мешке у 6-го окна и были сложены так, как показывает первое число. В грамоте № 14 аббатство Фонтевро и его представители среди контрагентов не названы, однако мы видим, что она надана имела инвентарный номер в ряду грамот аббатства.

Не позднее начала XIX в. на обороте 7 грамот были поставлены двузначные номера, которые писец подчеркнул двумя косыми линиями, пересеченными четырьмя штрихами. Одна из этих 7 грамот принадлежит Тибо IV, а остальные 6 — Ги де Дамьера и графам Брианским. Все они были сложены вместе, причем грамоты одного происхождения оказались пронумерованными в порядке, обратном хронологическому:

62 — № 6 66 — № 9
63 — № 3 67 — № 8
64 — № 5 68 — № 7
65 — № 4

Следующие записи на 8 грамотах заставляют думать, что рассматриваемая коллекция документов или ее ядро из этих 8 грамот является собой осколок весьма цепной части архива Фонтевро, некогда рассеянной.

Во-первых, на оборотной стороне этих грамот почерком, характерным для первой половины XVII в., сделаны развернутые инвентарные записи, которые сопровождаются наложением на французском языке содержания документов. На записях следует, что 3 грамоты графов Шампанских (№ 1—3) и 3 грамоты, удостоверяющие дарения Ги де Дамьера (№ 7—9), были сложены в одном мешке и следовали почти подряд одна за другой с соблюдением строго хронологического порядка, причем они начинали важную серию документов. Место их хранения указывается: «Fenêtro

des domaines. Poitiers. Sac 1re. Collé. .», далее номер каждого документа от 3 до 12.

Две грамоты короля Филиппа III (№ 10, 11) находились в другом отделении архива, но также были помещены в один мешок и числились в начале папной серии документов. Место их хранения указывается так: «Fenêtre des domaines. Poitiers. Sac 1re Collé. .», далее № 3 (1275 г.) и 6 (1276 г.). В 1870 г. Э. Юше, историк, работавший в Мансе, передал выдающемуся французскому медиевисту Л. Дезилю (в то время сотруднику, а позднее директору Парижской национальной библиотеки) оригинал грамоты Алиеноры Аквитанской, которой последняя подтверждала в 1152 г. дарения аббатству Фонтенро. В заметке об этой грамоте³⁸ он привел дорсальную запись, из которой можно заключить, что этот документ 1152 г. был в одном мешке с последними двумя грамотами и непосредственно предшествовал первой из них.

Можно предположить, что дорсальные записи на 8 грамотах сделал Лардье или его помощник в ходе работы по инвентаризации архива аббатства в середине XVII в. Юше утверждает, что запись в грамоте Алиеноры, которая вполне подобна записям в папных грамотах, неоспоримо свидетельствует о том, что в начале XVII в. грамота находилась в архиве Фонтенро.

Другая, более поздняя пометка сделана на лицевой стороне 7 из папных 8 грамот и отсутствует лишь в грамоте № 7. Содержание ее таково: «Представлены 11 сентября 1744 г., переписаны и включены в регистры Счетной палаты во исполнение указов короля от 26 апреля 1738 г., 21 декабря 1739 г. и 14 марта 1741 г. и согласно постановлению Палаты в вышеуказанный день, 11 сентября 1744 г., принятому на основании вопроса, ей представленного с целью совершения данного акта».³⁹ Подписано: «Noble». Эту пометку имеет и грамота Алиеноры Аквитанской.

Нам известно содержание названных Нобле королевских указов.⁴⁰ 26 апреля 1738 г. Людовик XV повелел представить в Парижскую счетную палату документы, необходимые для постановления регистров палаты, которые были повреждены из-за пожара в 1737 г.; затем король продлевал отсрочку, данную для представления документов. Имелись в виду документы, пожалованные ко-

³⁸ H u c h o r E. Notice sur deux chartes de Louis VII et d'Aliénor d'Aquitaine, en faveur de l'abbaye de Fontevraud. — *Revue des sociétés savantes des départements*, 1872, ser. V, t. III, p. 49—54; t. II, p. 358—359.

³⁹ Représentées le onze septembre MDCC quarante-quatre, transcrites et insérées dans les registres de la Chambre des comptes, en exécution des déclarations du roy des XXVI avril MDCC trente huit, XXI decembre 1739 et quatorze mars 1741 et suivant l'arrêt de la Chambre dudit jour onze septembre MDCC quarante-quatre, intervenu sur requeste à elle présentée à cette fin, dont acte (?).

⁴⁰ Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. — *Actes royaux*, 1955, t. V, N 31800, 31986, 32101; *Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789*, par Isambert, Decrusy, Taillandier, t. XXII. Paris, 1830, N 514, см. особо № 545.

ролем и его предшественниками. Таковыми должны были считаться и 8 указанных выше грамот, так как Людовик XV являлся наследником всех дарителей, названных в этих грамотах, короля Филиппа III, графов Шампанских и сеньора Бурбонна Ги де Дампьера. Что же касается грамоты № 7, то, поскольку она удостоверяет то же самое, как нам кажется, дарение Ги де Дампьера, что и грамота № 8, Нобля, думается, следовало бы отметить своей пространной записью обо грамоты, и почему-то выбор пал на грамоту № 8.

Изученные и заверенные в Счетной палате документы, после того как текст их был переписан, сдавались на хранение и секретариат палаты (*Greffes*) на тот срок, пока не будут окончательно восстановлены регистры.⁴¹ Для нас осталось по вполне ясным, возвращались ли оригиналы документов прежним их владельцам. В указе короля о цели представления документов в Счетную палату было сказано следующее: «Долбы они вновь были заключены в регистры и хранилища названной нашей палаты».⁴² Имелся ли здесь в виду лишь заверенный текст документа? Во всяком случае о грамоте Тибо IV (№ 3) и грамоте Ги де Дампьера (№ 9) мы точно знаем, что они оставались в Париже по меньшей мере до сентября 1766 г. На обороте этих грамот читаем: «Рассмотренный нами, советниками-комиссарами Парламента, настоящий документ сочтен не подлежащим выкупу ввиду установленного в нем ежегодного поминовения и в силу постановления Парламента от 20 декабря 1765 г. в Париже сего двенадцатого сентября 1766 г.».⁴³ Подписи: «*Deglathigny*», «*Blondeau*». Поскольку лишь авторы этих грамот обусловили свои собственными дарения обещанием монахинь Фонтенро поминать дарителей, остальные 6 грамот, по-видимому, не подлежали соответствующей регистрации, потому и не получили помету, а хранились скорее всего вместе с двумя названными.

Видимо, в результате суммарного отбора на месте или по более существенной причине попали в архивы Счетной палаты также 3 грамоты графов Бриенских (№ 4—6) и 3 грамоты, относящиеся к Пуату (№ 12—14). Мы склонны думать, что все 14 грамот, однажды оказавшись в Париже, не были возвращены в Фонтенро, а разделили судьбу той части документов Парижской счетной палаты, которые спаслись от уничтожения, но были рассеяны. В 1870 г. в Мансо в частных руках оказалась грамота Алленоры

⁴¹ *Mignon H. Inventaire d'anciens comptes royaux dressé par R. Mignon. . . Pub. par Ch. Lauglois. Paris, 1899, Introduction, p. VI.*

⁴² «Pour être de nouveau insérés dans les registres et dans les dépôts de notre-dite chambre». — *Recueil général des anciennes lois françaises. . .*, N 545.

⁴³ «Vu par nous Con[s]eillers commissaires de la Cour de Parlement, le présent Titre jugé non Remboursable, attendu la fondation de l'Anniversaire y annoncé, et ce en vertu de l'Arrest de la Cour du Vingt septembre mil sept cent soixante six».

Аквитанской, которая также получила помету Нобля в Счетной палате; Юшо в заметке об этой грамоте⁴⁴ утверждает, что со времен Лардые ее присутствие в архиве Фонтенро не отмечено. До настоящего времени сохранилась лишь малая часть прежних архивов Счетной палаты, большинство документов погибло по время событий Великой французской революции, и то, что было рассеяно, послужило предметом уже многих исследований и публикаций.⁴⁵

Наши скромные находки мы прежде всего присоединяем к опубликованной в 1974 г. статье Т. П. Вороновой, которая впервые обстоятельно познакомила с другой группой документов из Счетной палаты, хранящихся в Ленинграде.⁴⁶

В майском номере за 1896 г. обозрения «Revue des autographes, des curiosités de l'histoire et de la biographie»,⁴⁷ которое представляло собой каталог водущего в Париже антикварного торгового дома J. Chagavaу Aîné et Etienne Chagavaу, мы нашли объявление о продаже одной из наших грамот, а именно № 12. В 90-е годы в этом ежемесячном обозрении довольно редко указывались грамоты XII—XIII вв., цены на них были заметно выше, чем на документы XIV—XV вв., а в 900-е годы они и вовсе исчезают из каталогов. Мы с достаточным вниманием просмотрели выпуск обозрения с 1888 по 1912 г., вплоть до № 372, за вычетом № 310 (январь 1907 г.), 326 (май 1908 г.), 330 (сентябрь 1908 г.), и нигде не нашли указаний на другие грамоты аббатства Фонтенро, хотя о памятниках, подобных нашим, часто давались повторные объявления. Грамота № 12 не входит в картон 326, где собраны 12 из 14 рассматриваемых грамот, вероятно, и приобретена она была отдельно. Но вполне возможно, что именно у названного торгового дома П. П. Лихачев, создатель коллекции французских средневековых документов в Архиве ЛОИИ, приобрел все или часть грамот аббатства. Как мы узнаем из письма Ноэль Шаравэ от 6 марта 1911 г., лежащего в картоне 326, этот торговый дом высылал Лихачеву в Петербург с указанием цены редкие рукописи, не учтенные в каталоге, при этом Ноэль Шаравэ, глава дома, обращается к петербургскому ученому, как к своему старому заслуженному клиенту.

⁴⁴ См. прим. 35.

⁴⁵ См.: Nortier M. Le sort des archives dispersées de la Chambre des comptes de Paris. — Bibliothèque de l'Ecole des chartes, 1965, t. CXXIII, livr. 2, p. 480—537.

⁴⁶ Воронова Т. П. Нормандские финансовые документы XIV в. из коллекции П. П. Дубровского в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 319—336.

⁴⁷ XXX année, N 187, p. 20, N 287.